

17. *Даль В. И.* Указ. соч. С. 386.
18. Славянская мифология: энцикл. словарь. А–Я. М., 2002. С. 378–379; *Даль В. И.* Указ. соч. С. 260.
19. *Байбури А. К.* Указ. соч. С. 137.
20. Славянская мифология. С. 380.
21. *Даль В. И.* Указ. соч. С. 1162.
22. *Невская Л. Г.* Семантика дома и смежных представлений в погребальном фольклоре // Балто-славянские исследования, 1981. М., 1982. С. 110.
23. *Байбури А. К.* Жилище в обрядах представлений восточных славян. Л., 1983. С. 144.
24. *Даль В. И.* Указ. соч. С. 1162.
25. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 2002. Т. II. С. 824.
26. *Львов А.* Вот тебе бог, а вот и порог... // Родина. 1994. № 5. С. 119.
27. *Даль В. И.* Указ. соч. С. 714.
28. Там же. С. 714.
29. *Лавонен Н. А.* Стол в верованиях карел. Петрозаводск, 2000. С. 99; *Даль В. И.* Указ. соч. С. 606.
30. *Магницкий В.* Поверья и обряды (запуки) в Уржумском уезде Вятской губернии. Вятка, 1883. № 1.
31. *Даль В. И.* Указ. соч. С. 92, 799.
32. *Львов А.* Указ. соч. С. 21.
33. *Логинов К. К.* «Знак дерева» в русской избе Обонежья // Живая старина. 2000. № 2. С. 8.
34. *Даль В. И.* Указ. соч. С. 799.
35. Причитания Северного края, собранные Е. В. Барсовым. С. 169.

УДК 929.5

Е. А. Тарасова

ГЕНЕАЛОГИЯ КАК СФЕРА КУЛЬТУРОЛОГИИ

В статье рассматривается понятие генеалогии в различных сферах научного знания. Разновариантное понимание предмета и объекта генеалогии ведет к поиску наиболее адекватной методологии изучения рода, следовательно, эту науку можно рассматривать как одну из сфер культурологии.

The article discusses the concept of genealogy in the various fields of scientific knowledge. A lot of variants understanding of the subject and object of genealogy is to find the most appropriate methodology for studying the genus, so that science can be regarded as one of the areas of Cultural.

Ключевые слова: культурная генеалогия, генеалогия, вспомогательная историческая дисциплина.

Keywords: cultural genealogy, genealogy, special historical.

В последнее время отмечается повышенный интерес гуманитарной науки к проблеме генеалогии. Между тем в этой сфере остается достаточно много проблем. Одна из них заключается в том, что понимать под «знанием о роде» и соответственно о предмете и объекте науки генеалогии. На сегодняшний день существует одно-

временно несколько подходов к пониманию этой науки. Чаще всего генеалогия рассматривается как вспомогательная историческая дисциплина, изучающая историю родов, происхождение отдельных лиц, занимающаяся установлением родственных связей, составлением родословий. Кроме того, генеалогия представляется как наука, изучающая культурные аспекты жизни и деятельности поколений. Наконец, генеалогия определяется как наука о родовой памяти и ее развитии в представлении человека. В словаре Брокгауза и Ефрона дается определение генеалогии как «систематического собрания сведений о происхождении и родстве родов и фамилий» [1]. И действительно, генеалогия появилась как отрасль практического знания, изучающая исторический процесс. Потребность в ней возникла вместе со становлением человеческого общества и развивалась наравне с ним. Генезис генеалогии связан с эпохой средневековья, где большое место отводилось становлению новых общественных отношений и формированию рыцарских орденов, в которых важное место отводилось происхождению членов ордена.

В России первые указания по генеалогии стали известны в XIV в. (сведения по родословию), а в XVI в. появились первые частные родословные росписи, заключающие списки членов одного рода или нескольких близких родов. Древнейший «Государев родословец» относится к 1555 г. С уничтожением в 1682 г. местничества была учреждена Палата родословных дел (существовавшая до 1700 г.), где в конце XVII в. была составлена «Бархатная книга». Таким образом, началом развития отечественной научной генеалогии можно считать конец XVIII в., когда появляются первые издания генеалогических источников и первые генеалогические исследования (труды М. Г. Спиридонова, например). После опубликования родословных справочников П. В. Долгорукова, В. В. Румеля и В. В. Голубцова, А. Б. Лобанова-Ростовского генеалогия начинает рассматриваться как вспомогательная историческая дисциплина. Уже в конце XIX – начале XX в. в учебных заведениях читаются первые курсы по генеалогии (избран курс А. М. Савелова), создается Российское генеалогическое общество, издававшее свои труды в 1897–1920 гг. в Санкт-Петербурге. Его первым председателем был великий князь Георгий Михайлович. В Москве в 1904–1922 гг. работало Историко-родословное общество, председателями которого были А. М. Савелов и Н. П. Чулков, издававшие журнал «Летопись» (всего было издано 44 выпуска в 1905–1915 гг.). В послереволюционный период ряд генеалогических исследований был опубликован в «Русском Евгеническом журнале», издаваемом Русским евгеническим обществом, существовав-

шим в 1920–1930 гг. под руководством генетика и биолога Н. К. Кольцова [2].

Таким образом, в дореволюционный период в сферу интересов генеалогии как специальной исторической дисциплины входило изучение происхождения древнейших дворянских фамилий, при этом основной акцент ставится на званиях и титулах предков.

В этот же период появляется и другой контекст в исследовании родов, уже располагающийся на стыке двух научных дисциплин: истории и культурологии. Большое значение в нем приобретают «фамильные» культурные ценности, традиции, передаваемые «по колено», формирование моральных правил и норм, которые становятся духовными ориентирами конкретно взятой ветви рода. Исходя из этих представлений уже в работах Л. М. Савелова дается совершенно новое понимание генеалогии: «личность – это есть та ячейка, из которой вышла семья, превратившаяся сначала в род, затем постепенно образовавшая родовой союз – племя и, наконец, государство как высшую форму общежития, которое, в конце концов, поглотило и растворило в себе как отдельные семьи и роды, так и отдельные личности, подчинив их совершенно своему авторитету и своей власти. Отдельная личность – это тот атом, из которого возникло и постепенно сложилось современное государство» [3]. Таким образом, Л. М. Савелов акцентирует внимание генеалогии на личности, которая образует духовные ценности, формирующие и общество, и государство в целом.

В советское время генеалогия как научная дисциплина приобрела совершенно иное направление. Внимание исследователей было обращено на источниковедческие и археографические проблемы родословных книг, на историю крестьянских торгово-промышленных капиталов. В этих работах практически абсолютно отсутствует связь генеалогии и культуры и делается акцент на изучение генеалогией исторического процесса [4]. При этом интерес к изучению дворянских фамилий резко снизился в связи с идеологическими представлениями, когда дворяне представлялись как феодалы, угнетатели, а их заслуги перед отечественной историей просто игнорировались. Сама же генеалогия рассматривалась только в качестве специальной вспомогательной исторической дисциплины, утрачивая свое самостоятельное значение.

Конец XX – начало XXI в. вносит свои коррективы в понимание генеалогии и ее объекта и предмета исследования. На современном этапе развития вновь повышается интерес к генеалогии. Так, в 1990 г. в Москве было создано Историко-родословное общество (председателем которого стал С. В. Думин), а в 1991 г. в Санкт-Пе-

тербурге – Русское генеалогическое общество (президентом которого стал И. В. Сахаров). За последние два десятилетия вышло большое количество исследований, посвященных истории родов, в Интернете созданы генеалогические сайты, содержащие информацию о происхождении той или иной фамилии, родословные известных личностей, а также простых крестьянских семей, отмечается их вклад в культуру России. Все это свидетельствует о том, что генеалогия в определенной степени отделяется от истории и, в отличие от таких вспомогательных дисциплин, как нумизматика, палеография, сфрагистика, может существовать самостоятельно. Историю рода, духовную составляющую семьи можно изучать не только с позиции знания исторических событий, происходивших в определенный период, но и в качестве культурной доминанты той или иной эпохи.

Теперь генеалогия воспринимается не только как аспект изучения исторического процесса, но и как аспект изучения культуры. Этот подход задолго до отечественных разработок был сформулирован в западной науке в рамках культурной антропологии. И связано это во многом с иной интерпретацией понятия семьи, в центре которой находится индивид. Уже в работах К. Леви-Строса подчеркивается, что правила родства строятся на основе социального рода и правил экзогамии [5], а у постструктуралистов, в частности у М. Фуко, генеалогия предстает как методология нелинейного моделирования исторической событийности: «С точки зрения генеалогиста, ни отдельные субъекты, ни народные массы не влияют на ход истории: субъекты появляются одновременно с теми отношениями, которые возникают между ними и этими последними определяют. Их роль – здесь и сейчас, и только так они могут существовать как субъекты. Отношения господства и подчинения существуют вне всякой привязки к определенным субъектам, они не закрепляются за последними раз и навсегда, а представляют собой роли в ритуалах, навязанных анонимной властью. Правила, произведенные этими ритуалами, вписаны в гражданские законы, моральные кодексы. История, как ее видит генеалогист, – это смена типов господства, цепь означивания правил. И эту историю следует воссоздавать во всем ее разнообразии и неповторимости» [6]. По мнению М. Фуко, для классического понимания генеалогии было характерно «видение линейного развития исторического процесса». Фуко утверждает, что специфическая методология генеалогии обусловлена ее нелинейностью и непреemptивностью. Автор делает вывод, что цель генеалогии – удерживать то, что произошло, в присущей ему разрозненности, и, таким образом, предмет генеалогии отличается от предмета дисциплинар-

ной истории. Этот предмет – творческая среда событийности [7].

Таким образом, основой генеалогии становится некая среда (ментальность), а не историческая событийность, создаваемая тем или иным родом. В контексте такого понимания на главный план выходит проблема родовой памяти, так как во многом благодаря ей становится возможным создание необходимой среды бытования. Родовая память формирует сознание человека, воссоздание себя заново. Индивидуальное сознание стимулирует личность к приобретению заново норм и морали предков, что создает особую ментальность в рамках одной семьи. Реальный мир состоит из бытия и ценностей, которые объединены в мировоззрение. Значит, внутри каждого отдельно взятого рода существуют свое мировоззрение и ментальность, совокупность которых формирует менталитет нации и страны, а конкретнее – ее духовную жизнь [8].

Таким образом, западные исследователи настаивают на архетипическом восприятии генеалогии, когда в центре внимания оказывается некий образ, воспринятый человеком и передаваемый из поколения в поколение. В качестве примера приводится архетипический миф о «гнездовом устройстве общества», воплощенный в усадебной культуре России (особенно XIX столетия). Об этом же в начале XX в. писал российский историк А. М. Савелов: «...отдельная личность составляет атом будущего государства, а отдельная семья, отдельный род представляет из себя прототип государства...» [9].

Из понимания западными философами генеалогии следует вывод, что в основе науки лежит представление об «архе» как о первоначале, которое модифицируется в коллективном бессознательном с изменением человеческого развития.

Следует в связи с этим подчеркнуть, что деконструктивисты (Ж. Делез, Ж. Деррида) во мно-

гом вообще отрицают генеалогию как науку, подчиняя ее теории ризомы, представленной как множество корней, где нет главного стержня, то есть генеалогического древа в линейном понимании истории. Все это происходит вследствие изменения отношения к понятию рода в системе гуманитарного знания.

Таким образом, все концепции генеалогии сосуществуют и взаимодействуют в современной науке. Разновариантное понимание предмета и объекта генеалогии ведет к поиску наиболее адекватной методологии изучения рода. Генеалогия может быть рассмотрена и как метод, и как самостоятельная интегративная дисциплина, сфера которой включает целый комплекс составляющих: историю, культуру, этико-эстетический и иные факторы. В единстве названных характеристик генеалогия составляет важный аспект историко-культурных исследований.

Примечания

1. Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. URL: <http://www.slovoval.com/10/195/977940.html>
2. Из истории Русского генеалогического общества. СПб., 2006. С. 125.
3. Савелов А. М. Лекции по генеалогии. М., 1994. С. 2.
4. История и генеалогия / Б. А. Рыбаков, В. А. Янин. М., 1977. С. 50–57.
5. Леви-Строс К. Первобытное мышление. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Lev-Str/index.php.
6. Фуко М. Ницше, генеалогия и история // Философия эпохи постмодерна: сб. переводов и рефератов. Минск, 1996. С. 74–97.
7. Там же. С. 74–97.
8. Баикина А. Место генеалогии в индивидуальном и общественном сознании // Генеалогический вестник. Вып. 27. СПб., 2006. URL: <http://geno.ru/node/165>.
9. Савелов А. М. Лекции по генеалогии. М., 1994. С. 5.